

За этот год Совет Наблюдателей доставил в деревню в общей сложности пять детей.

Каждый из них был помещён в семью волшебников и обеспечен из кармана оставшихся Основателей, как это было сделано для сирот много лет назад. Их родители и соседи, а в некоторых случаях и хозяева, были преданы забвению. То, что они не помнили, они не могли ни опротестовать, ни разыскать.

По понятным причинам дети были расстроены и растеряны.

Их вырвали из родного дома и ввергли в совершенно новую жизнь. Потребовалось много времени и терпения, чтобы успокоить их и снять страх.

Когда они поняли, что их больше не будут наказывать за те странности, в которых они виноваты, они успокоились. То, что некоторых из них иногда можно было застать плачущими из-за потери семьи, никто не отрицал.

В общем, год не сильно отличался от предыдущих, и дети, вырванные из их жизни, реагировали не так уж сильно, как те, что были до них.

Более интересным был день, когда исчез первичный офис. Это вызвало некоторое недоумение основателей, учитывая, что пропали также Книга душ и Сортировочная шляпа. Через несколько дней после этого в коридоре на втором этаже появилась чрезвычайно уродливая каменная горгулья.

Если никто не понял, то Геру понял. Он потратил большую часть часа, исследуя скульптуру и стену за ней.

Хотя раз или два у него возникало отчетливое ощущение, что за ним кто-то наблюдает, он не обнаружил ничего, что заставило бы его поверить в полноту изменений.

Когда через неделю он проходил мимо, то нашел повод улыбнуться. За горгульей образовалась четкая арка, расположенная в центре расправленных крыльев. "А у нас уже есть пароль?" - спросил Геру. спросил Геру. В ответ он услышал песню феникса.

В порыве пламени появился Праецино и, напевая, опустился на голову горгульи.

Ровена подошла, ведомая песней, затем Годрик и Хельга. Когда все собрались, Праецино взлетел, его песня перешла от призыва к мольбе. Как и ожидал Геру, статуя отлетела в сторону, открыв вход и винтовую лестницу за ним.

Геру шагнул вперед, отодвинул несколько ступенек, чтобы освободить место, и подождал, пока каждый из них присоединится к нему. Лестница сама собой двинулась вверх, закручиваясь, и закончилась в небольшом фойе. Геру отошел в сторону и позволил своим друзьям пройти по

небольшому коридору и через дверь в конце его войти в отсутствующий кабинет.

"Не знаю, зачем это было нужно, - сказала Хельга, - но, признаться, мне это кажется довольно интересным".

"Я тоже", - признался Годрик.

"Возможно, - предложила Ровена, - нам следует считать это мягким намеком со стороны нашего дорогого замка".

"Вы полагаете, что она думает - может ли замок думать? - что для этих объектов необходима более надежная охрана?" - спросил Годрик.

"Кто может сказать?"

Rowena shrugged. "Если бы она могла говорить, я уверена, мы бы знали".

"Все это очень хорошо, - сказала Хельга, - но мы вряд ли можем ожидать, что Праецино будет появляться каждый раз, когда нам понадобится попасть сюда. Должен быть способ, чтобы горгулья отвечала на пароль".

Годрик посмотрел на нее с укором и предложил: "Почему бы тебе не спуститься и не пошептать ей на ухо?"

"Может быть, я так и сделаю", - ответила она, положив руки на бедра. "А если получится, то я просто не скажу тебе пароль". Она ловко развернулась и вышла за дверь, не став задерживаться, чтобы услышать плохо приглушенный смех Годрика.

И хотя Геру не раз замечал, что Ровена задумчиво смотрит на него, он не предлагал никакой информации и никаких предположений. По правде говоря, он не имел ни малейшего представления о том, как был установлен пароль, хотя, конечно, надеялся выяснить это с их помощью.

Ансельму исполнилось одиннадцать лет в тот год, когда Геру исполнилось тридцать три года, что стало предвестником очередного обращения за помощью к магическому портретисту.

Как и в случае с его братьями, Ансельм был увековечен, а полученная картина заняла место в кабинете Геру. Того же нельзя было сказать о потомстве Каэдрины - по крайней мере, их нарисованные персоны не нашли дома в подземельных покоях Геру.

В следующем году ситуация начала меняться.

- - -

Геру оказался в месте, которое посещал лишь однажды, если это можно назвать посещением. Это было место, не имеющее границ. Все, что он мог видеть в любом направлении, было сплошным белым цветом. Затем он проснулся.

Эти странные обрывки снов или воспоминаний стали повторяться с некоторой регулярностью. Они никогда не длились более нескольких субъективных минут. Но со временем Геру стал замечать, что в пейзаже появляются небелые полосы, затем серые, черные.

Геру не был глупым человеком. Может быть, иногда забывчив, но далеко не глуп. Потребовалось всего несколько повторений, чтобы он понял, что происходит: его время подходит к концу.

Первым делом он позвал старшего сына к себе, в уединенные покои.

"Пожалуйста, присядь. Это будет трудно объяснить. И, - Геру бросил на сына печальный взгляд, - возможно, тебе будет не очень приятно это узнать. Тем не менее, я должен рассказать тебе".

Каэдрин глубоко вздохнул и кивнул. "Это то, что ты отказался объяснить раньше".

"Да, это так. Как ни трудно в это поверить, но я не из этого времени. Я родился почти на тысячу лет в будущем". Как он и ожидал, лицо Каэдрина выдало его удивление и недоумение. "Об этом ты можешь спросить у других, позже. Я появился здесь в пятнадцать лет, когда мне грозила смертельная опасность быть либо убитым, либо превратиться в бессердечную, холодную имитацию того, кто меня пленил. Вскоре после прибытия я получил новое имя и брата - Салазар".

Геру сел в кресло напротив сына и продолжил. "С тех пор я живу здесь и принимаю участие в создании этой школы, наблюдаю, как она меняется и растет, как то небольшое, что я знал об этом времени, сбывается, причем часто так, как я и не предполагал. Именно благодаря настоянию Салазара я женился и обзавелся детьми. Но все это не так уж и важно".

"А что же?"

"Дело в том, что... приближается время, когда я должен покинуть вас. Я всегда предполагал, что наступит день, когда я вернусь в свое собственное время, и, признаюсь, я был здесь так долго, что эта мысль вызывает у меня некоторый страх. Знаки безошибочны, Каэдрин, и я не могу их изменить, даже если бы захотел".

"Чего же ты от меня требуешь, отец?"

Геру был немного удивлен, что сын не протестует против этой новости. "Ты уже взрослый. Твои братья и кузены еще не совсем взрослые. Я бы попросил тебя присматривать за ними, но, думаю, ты сделаешь это и без просьбы".

"Да, я бы так и сделал", - согласился Каэдрин.

"Что может быть сложнее, так это то, что я попрошу тебя не раскрывать того, что ты знаешь. Это очень похоже на нашу семейную тайну".

Теперь Каэдрин запротестовал. "Но, отец..."

"Пожалуйста. Я прошу тебя, как мужчина мужчину, не спорь со мной по этому поводу". Когда Каэдрин откинулся в кресле, Геру сказал: "Как я обеспечил тебя, так обеспечу и их. Мне нужно будет поговорить об этом с моими друзьями, и они, несомненно, помогут тебе. Каэдрин, я не знаю, сколько времени мне осталось, но полагаю, что скоро. И когда это время придет, эти комнаты будут запечатаны".

"Хорошо, но я не буду делать вид, что мне это нравится".

"Я и не жду этого. Я был бы огорчен, если бы вы так поступили. Ты помнишь, как готовить зелье?" - спросил он, резко меняя тему. В ответ на кивок Каэдрина он сказал: "Я хочу сказать еще кое-что, что ты должен передать своим братьям, кузенам и своим собственным детям. Может наступить день, когда носить фамилию Слизерин станет опасно. Если это несчастье когда-нибудь произойдет, я настоятельно прошу вас принять новое имя, которое не будет ассоциироваться с нашим великим домом". Он сделал паузу, чтобы все это дошло до сознания, а затем сказал: "И, если вы подождете здесь несколько минут, мне нужно кое-что собрать".

Он повернулся и вышел из комнаты, направляясь прямо к своему личному хранилищу. Снаружи, где он оставил их наготове, стояли сундуки, по одному для каждого из мальчиков. Внутри он замер, пораженный тем, что его состояние, очевидно, приумножилось, пока он не смотрел. Тут до него дошло, что Салазар, должно быть, зашел в последний раз перед тем, как исчезнуть навсегда, и оставил еще один подарок. Сумма, которую он планировал использовать для посвящения мальчиков, составляла лишь малую часть всего состояния.

Стряхнув с себя удивление, он опустился на пол и начал заполнять каждый из сундуков, левитируя их обратно за дверь после того, как каждый из них был закрыт. Через несколько минут хранилище было запечатано, и сундуки поплыли за ним и его сыном, когда они отправились на беседу с основателями.

Они не были так удивлены, как Каэдрин, услышав, что хотел сказать Геру, но ведь именно они приветствовали его в первую очередь. Они согласились со всеми его просьбами, причем с гораздо меньшим трудом.

"Ты хочешь поселить детей в замке или построить дом в деревне?" спросила Хельга, как только

Геру закончил. На его слегка диковатый взгляд она ответила: "Тогда в замке. Домашние эльфы, уже находящиеся у вас на службе, останутся в своем прежнем качестве. Вопрос только в том... ну, нет. Дети уже достаточно взрослые, чтобы можно было доверить им вести себя без взрослого, живущего рядом с ними. В конце концов, это не сильно отличается от общежития".

Геру кивнул. "Я не вижу причин для возражений. Они хорошие мальчики. И, как я уже говорил Каэдрину, им ничего не скажут о том, что случилось со мной. Придумай что-нибудь".

"Это может быть тяжелее для них, Геру, если твое исчезновение останется под вопросом. Им может показаться, что ты бросил их за какую-то провинность, которую они совершили".

Геру вздрогнул и отвернулся. "Тогда скажи им, что я умер. Открой мавзолей достаточно долго, чтобы увидеть пустой гроб".

"Как пожелаешь."

- - -

Геру наслаждался - если это можно так назвать - своим ежегодным ритуалом. Часы, стоявшие рядом с его кроватью, отбивали минуты до полуночи, как часы судного дня, отсчитывающие секунды до конца света, его мира.

Когда этот момент наконец наступил, Геру охватило чувство целеустремленности. Как автомат, он поднялся с кровати и подошел к небольшому письменному столу, который он использовал в тех случаях, когда в его кабинете не все было в порядке. На небольшом клочке пергамента он нацарапал записку, вытер чернила и свернул ее в трубочку, поставив внизу свою печать. Зеленая ленточка закрепила ее, и Праецино был призван доставить ее на место на столе в главном офисе.

Когда эта миссия была выполнена, Геру вышел из своей комнаты и провел несколько минут, беседуя с портретами входа. Первым его действием было полное удаление английского пароля. Второе - изменить пароль на языке парселтанг так, чтобы его знал только он. И, в-третьих, для того, чтобы открыть дверь, нужно было принести кровь - его кровь. Даже если бы какая-нибудь умная душа смогла произнести пароль, ей все равно было бы отказано во входе.

Стоя в коридоре подземелья, Геру обвел глазами стены и потолок, а затем уперся взглядом в истертый пол. Негромко, едва ли не шепотом, он спросил: "Вспомнишь ли ты обо мне за все эти годы, прекрасная леди, и снова примешь меня домой?"

Не дожидаясь ответа, он вернулся в свои покои. Его прежняя палочка была в безопасности в хранилище, новая - в мантии. Несмотря на то, что он лежал на кровати, он оставался полностью одетым. Праецино вернулся к нему и уселся на лодыжку. Не прошло и часа, как он вернулся в бездну белых полос, и на этот раз он не проснулся бы и через несколько минут.

<http://tl.rulate.ru/book/93837/3146185>